

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-233-261

Восточный фронтир русской колонизации в контексте модернизационной динамики

Константин И. Зубков

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия
zubkov.konstantin@gmail.com
ORCID 0000-0001-5177-3183

Игорь В. Побережников

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия
pober1871@mail.ru
ORCID 0000-0003-0280-5534

Аннотация. В статье на примере восточного фронта (восточных регионов от Урала до Дальнего Востока) рассматривается соотношение двух магистральных процессов российской истории – колонизации и модернизации, в главных чертах определявших динамику и своеобразие развития страны в имперский период. Авторы доказывают, что эти процессы были взаимосвязаны и оказывали в целом позитивное влияние друг на друга. Более того, отмечая вообще органичность для модернизации, особенно на ее ранних стадиях, экстенсивного расширения ресурсно-материальной базы, авторы подчеркивают ключевое значение для перспектив российской модернизации (протоиндустриализации) расширения базы производства черных и цветных металлов как следствия колонизации восточных территорий. Выявлены признаки российской модернизации, осуществлявшейся в условиях незавершенности процессов освоения территории, которые придают ей узнаваемый национально-страновой характер: наличие «освоенческого синдрома»; повышенная социально-сословная и культурная гетерогенность фронтирных сообществ; складывание относительно толерантного и конструктивного механизма межэтнических и межкультурных взаимодействий; опережающий «административный фронтир», компенсирующий недостаток человеческих ресурсов, дальние расстояния и отсутствие удобных путей сообщения; влияние колонизации на структуры, пропорции, логику роста российской экономики, форм ее участия в международном разделении труда.

Ключевые слова: фронтир, колонизация, геополитика, переселение, адаптация, модернизация, освоение, центр, периферия, Россия, восточные регионы, Урал, Сибирь, Дальний Восток, природно-географическая среда, ресурсы, территориальные базы.

Для цитирования: Зубков К.И., Побережников И.В. Восточный фронтир русской колонизации в контексте модернизационной динамики // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 235–263. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-233-261.

Eastern Frontier of the Russian Colonization in the Context of Modernization Dynamics

Konstantin I. Zubkov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, zubkov.konstantin@gmail.com

ORCID 0000–0001–5177–3183

Igor V. Poberezhnikov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, pober1871@mail.ru

ORCID 0000–0003–0280–5534

Abstract. *Using the case of the eastern frontier (the eastern regions from the Urals to the Far East), the article examines the relationship between the two main processes of the Russian history – colonization and modernization, which dominantly determined the dynamics and peculiarities of the country’s development during the imperial period. The authors argue that these processes were interrelated and generally had a positive effect on each other. Moreover, considering the extensive broadening of the resource and material base as generally organic for the modernization, especially on its early stages, the authors emphasize the key significance for the prospects of the Russian modernization (proto-industrialization) of expanding the ferrous and non-ferrous metals production base being the direct result of the eastward colonization drive. Among the features of the Russian modernization implemented under the conditions of continuing and incomplete opening up of the national territory, there are those which gave the recognizable national character to the development strategy, such as: the evidences of the pushing “development syndrome”; the increased social class and cultural heterogeneity of the frontier communities; the formation of a relatively tolerant and constructive mechanisms for interethnic and intercultural relations; the so-called “administrative frontier” passing ahead the economy for maintaining the general order and compensating the long distances, vast empty spaces, and the lack of human resources and convenient means of transport; the contradictory influence of colonization on the structures, proportions, and the growth logic of the Russian economy, as well as the form of its participation in the international division of labor.*

Key words: *frontier, colonization, geopolitics, resettlement, adaptation, modernization, development, center, periphery, Russia, eastern regions, Urals, Siberia, Far East, natural geographical environment, resources, territorial bases.*

For citation: *Zubkov, K.I. and Poberezhnikov, I.V. (2023), “Eastern Frontier of the Russian Colonization in the Context of Modernization Dynamics”, Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 235–263. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-233-261.*

Исходя из историографических тенденций последнего времени, колонизацию и модернизацию можно рассматривать как два магистральных процесса, которые в главных чертах определяли динамику и специфику исторического развития России в глобальном измерении. Интерес историков к ним, безусловно, формировался в разных контекстах; периоды их актуализации разделяет временная дистанция едва ли не в столетие – но

не только это затрудняло возможность представить оба процесса в единой исторической оптике, попытаться понять, как они соотносились между собой в исторической реальности. Выработке интегрирующего взгляда во многом препятствовало то, что оба вышеуказанных исторических процесса осмысливались как бы в разных эпистемологических плоскостях. Если колонизация, в привычном понимании, рассматривалась как процесс преимущественно пространственный, *количественный*, связанный с расширением государственной территории страны и постепенной интеграцией вновь осваиваемых земель в ее цивилизационное пространство, то концепция модернизации, в первую очередь, разрабатывалась в аспекте изучения глубоких *качественных* преобразований, происходивших в разных сферах развития страны.

Тем не менее, уже в 1990-е гг., вместе с первыми попытками приложения общесоциологической схемы модернизации как универсального процесса к специфике развития России, наметился ряд принципиальных вопросов, в которых с неизбежностью должны были сопрягаться колонизационное и модернизационное измерения российской истории. Это касалось, прежде всего, оценки влияния беспрецедентного территориального (практически – трансконтинентального) размаха русской колонизации XVI–XIX вв. на динамику и результативность модернизационного процесса в истории России. Сама постановка этого вопроса тогда была отмечена печатью известной политической ангажированности и умозрительности в духе размышлений об «альтернативной истории». К тому же, лежавшая в ее основе презумпция как бы заранее предreshала ответ на поставленный вопрос, акцентируя несовместимость процессов колонизации и модернизации в своих результирующих исторических последствиях. Без достаточных оснований предполагалось, что ограниченные и исторически стабильные размеры государственной территории, стимулируя «плотность» хозяйственных и социальных связей, способствуют высокой и результирующей динамике модернизационного процесса, в то время как колонизация, снижая тонус социально-экономических противоречий и препятствуя осознанию правящей элитой необходимости назревших преобразований, как бы «размывает» эффект модернизационных усилий. Эта либеральная идея «сжатия» эффективно используемого пространства в 1990-е гг. вполне определенно влияла на историческую оценку русской колонизации, однозначно трактуя ее как исключительно экстенсивный процесс и как тормоз модернизации [см., напр.: Трейвиш, Шупер 1992; Пивоваров 1996]. В те же годы – и уже даже с выходом в XXI в. – эта оценка получила дальнейшее развитие в концепции так называемого «бремени» экстенсивности – своего рода квинтэссенции представлений о негативном влиянии «избыточных» пространств на социально-экономическое развитие России, как в целом и об исторической «ошибочности» курса на масштабное освоение их ресурсной базы [Хилл, Гэдди 2007].

Хотя полемика по поводу этих взглядов происходила в основном в кругах географов, социологов, экономистов, ее принципиальные моменты должны были найти отражение в подходе историков к ретроспективно осмысливаемым проблемам модернизации России. Уже с первых моментов обращения

к истории российских модернизаций XVIII–XX вв. обнаруживается, что их содержание не может адекватно рассматриваться в контексте современных и, по большей части, абстрактных теорий пространственной экономики. Поэтому оценка их эффективности с точки зрения воздействия на них пространственных факторов (прежде всего, процесса колонизации) должна анализироваться в конкретных исторических обстоятельствах своего времени, с учетом той группировки природно-географических, экономических и социально-институциональных факторов, которые характерны для каждой оригинальной эпохи.

Роль фактора колонизации в осуществлении российских модернизаций XVIII–XX вв. целесообразно рассмотреть на примере ее долгосрочного, формировавшегося в течение нескольких веков восточного вектора. Данное направление, во-первых, во многих отношениях представляет русский колонизационный процесс в наиболее «чистом», приближающемся к общеисторической модели виде (без привнесения возмущающих воздействий внешней политики и соперничающих культурных влияний). Это позволяет применить к его анализу классические характеристики переселенческой колонизации как глобального феномена (отчетливая дихотомия центра и периферии, фронтир как подвижная граница освоения и т. п.). Во-вторых, растянутое во времени движение колонизационных потоков на восток – из районов Поволжья и Русского Севера на Урал, затем на обширные просторы Сибири и, наконец, до Тихого океана – обнаруживало однозначный перевес факторов адаптации переселенцев к новым природно-географическим средам и ресурсным возможностям над таким сдерживающим фактором, как сопротивление коренного населения. Последнее было довольно редким для огромных территорий, находилось на более низкой ступени цивилизации и не имело устойчивой государственной организации. В связи с этим динамика колонизации восточных территорий России, происходившей крупными этапами, как бы волнами, может быть более точно соотнесена с эволюцией ресурсных потребностей государства и характерных для него социально-экономических форм. Это представляется принципиально важным для анализа российских модернизаций, по крайней мере, в двух отношениях – в ресурсном измерении и с точки зрения их социальных механизмов. Наконец, в-третьих, именно колонизация громадных просторов азиатского востока – от Урала до Тихого океана – обеспечила России новое геополитическое качество, трансформировав ее из государства европейской периферии в мощную и самодостаточную евразийскую империю, – со всеми сопутствующими этому процессу изменениями в сферах безопасности, межцивилизационных взаимодействий, институциональной организации, культуры и ментальности.

Исследование модернизационной динамики в общеисторическом плане показывает, что свободная предпринимательская активность и технико-технологический прогресс далеко не сразу превратились в главные движущие силы этого процесса; на ранних этапах модернизации, соотносимых с эпохой первоначального накопления капитала и protoиндустриализацией, критическое, а в ряде случаев и решающее, значение как раз приобретали факторы экстенсивного расширения ресурсно-материальной базы, необхо-

димой для перехода от аграрной экономики к индустриальной. Этой логике развития в целом соответствовали и экономическая политика меркантилизма с сопутствующим ей расцветом колониальной торговли, и «военные революции» XVII–XVIII вв., благодаря которым сильные абсолютистские монархии Европы и европейской «полупериферии» закладывали основы индустриальной экономики. Шведский историк Я. Глете, анализируя механизм «военных революций» в странах Европы в раннее Новое время, обоснованно делает вывод о том, что их успех, как правило, был обусловлен эффективным соединением двух определяющих факторов. Первым являлось наличие соответствующих ресурсов (рабочая сила, металлы, древесина, пенька, селитра, ткани и т. п.); вторым – техническая способность их мобилизации и компетентного использования при реализации масштабных экономических проектов по оснащению крупной армии или военно-морского флота [Glete 2010, p. 3–4]. В характерных для международной ситуации XVII–XVIII вв. условиях острой конкуренции и военного соперничества держав, источниками ресурсов становились не только усилившаяся фискальная эксплуатация собственного общества, но и прямые военные захваты, различные формы колониального грабежа, экстенсивный прирост ресурсной базы в результате расширения государственной территории. Мобилизация же всех видов ресурсов и эффективное управление ими обеспечивались становлением всеобъемлющей бюрократической организации государственного аппарата – централизованной административной «машины», которая на определенном этапе призвана была компенсировать собой недоразвитие структур экономической самоорганизации общества. Выводы Глете в целом подтверждают концепцию немецкого политического мыслителя и юриста К. Шмитта, который полагал, что возникновение рационалистической версии «абсолютного» государства, бюрократической системы, способной обеспечивать всеобъемлющий высокотехнический контроль над обществом, было второй – наряду с зарождением капитализма – важнейшей системной «революцией» в Европе XVI–XVIII вв. [Шмитт 2006, с. 172–173].

В России как стране «полупериферии», более отсталой технически и экономически, относительно изолированной от Европы, колонизация сыграла настолько значительную роль в ресурсном обеспечении страны, что вне ее влияния вообще невозможно представить начальную фазу модернизационного процесса. «Военная революция», положившая начало системным преобразованиям Петра I, в возрастающих объемах требовала притока стратегических ресурсов (прежде всего, металлов) и известной полноты хозяйственного цикла при производстве военной продукции, или автаркии. Часть этих предпосылок обеспечивалась самой военной активностью государства, часть – ускоренным освоением новых территориальных баз развития. О зависимости успехов в модернизации русской армии от расширения территориальных ресурсных баз красноречиво свидетельствует донесение резидента австрийского двора Оттона Антона Плейера в 1710 г.: «... Железо у царя теперь из Сибири, и такое хорошее и мягкое, что даже и шведского не отыщешь лучше; дубового и другого крепкого леса с излишком, потому что рубить его запрещено под строжайшим наказанием, кроме как для царского употребления; серы и селитры вдоволь у него с Украины; для бомб и гранат

ни в каком месте нечего и желать лучше железа тульского и из Олонца при Онежском озере по его твердости и хрупкости, потому что при разрыве оно рассыпается на множество кусков; металла для литья пушек и мортир навезено из Польши, Ливонии, Финляндии и Литвы...» [Лавры Полтавы 2001б, с. 399]. Модернизация Россия, прежде всего, в части совершенствования материального базиса военной (а затем и гражданской) экономики, таким образом, обнаруживает тесную связь с территориальной экспансией и усилением динамики освоения отдельных колонизируемых территорий.

Особенно отчетливо эта зависимость прослеживалась в процессе колонизации восточных, зауральских территорий России. Хотя при панорамном обозрении это направление колонизации раскрывается через его главную движущую силу и предстает как исторически длительный, непрерывный процесс крестьянских переселений (что, например, повлияло на обобщенную характеристику этого процесса В.О. Ключевским [Ключевский 1987, с. 49–53]), периоды ускорения колонизационной динамики и ее важнейшие результаты ясно указывают на то, что в своей глубинной основе этот процесс стимулировался, в первую очередь, ресурсными потребностями государства, диктуемыми логикой модернизации.

Феноменально быстрые темпы и масштабный размах землепроходческой активности в ходе освоения Сибири, в первую очередь, на ее северных окраинах, в XVI – начале XVIII вв. были связаны с так называемой «пушной лихорадкой» – стимулируемой интересами казны погоней за высокоценной сибирской пушшиной. Растущий спрос на сибирскую «мягкую рухлядь» на рынках Запада и Востока делал ее важнейшим коммерческим ресурсом государства, который не только обогащал казну, но и способствовал удержанию Россией своих международных позиций в европейской торговле. Постепенное вовлечение государства в эксплуатацию пушных богатств (прежде всего, в виде обложения инородческого населения ясачной податью и других фискальных инструментов) при ограничении частного оборота пушнины, по словам С.В. Бахрушина, придало «новый оборот» всей политике захвата зауральских земель [Бахрушин 1959, с. 9], впервые превращая удержание пустынных, малонаселенных пространств в прибыльное экономическое предприятие. Ясак, как традиционный институт, заимствованный местной русской администрацией из практики взаимоотношений сибирских племен, своей простотой напоминал извлечение «природной ренты» и отражал стремление осваивать зауральские земли малыми силами и минимальной ценой. Сложилась определенная система финансово-экономических взаимоотношений Русского государства с ее отдаленными восточными окраинами, которую замечательно описал бежавший в Швецию дьяк Г.К. Котошихин, большой знаток приказной практики управления. В своей записке он сообщал, что «денежных доходов с тамошних (сибирских – *Авт.*) городов не бывает никаких, исходят там на жалованье служилым людям...», в то время как «присылается из Сибири царская казна, ежегодно» [Московия 2000, с. 84]. Истолковать это сообщение можно лишь в том смысле, что ежегодно отсылая хлебное и денежное жалованье в Сибирь, управлявший ею Сибирский приказ в идеале стремился привести объем этих затрат к балансу со всей суммой неясачных налогов и сборов (как правило, довольно скуд-

ных), получаемых из Сибири, в то время как ясачная «царская казна», как правило, оставалась в неприкосновенности как источник чистого государственного дохода [Зубков 2019, с. 19]. Это служит лучшим доказательством того, что на ранних этапах колонизация зауральских территорий обретала свой главный экономический смысл именно в организации государством системы извлечения пушного дохода; все остальные виды экономической деятельности носили подчиненный характер, включая и развитие местного земледелия, которое должно было отчасти избавить Сибирь от дорогостоящего завоза хлеба извне.

Как высоколиквидный товарный ресурс, сибирская пушнина составляла в XVII и большей части XVIII в. важный «валютный резерв» государства, активно использовалась в торговле с Западом. По разным подсчетам, сибирская пушнина составляла от 1/10 до 1/3 всех доходов русской казны. По оценке С.В. Бахрушина, стоимость всей пушнины, ежегодно доставлявшейся из Сибири в столицу, в XVII в. составляла 100–150 тыс. руб. по тогдашним ценам [Бахрушин 1959, с. 53]. Даже с упадком пушного промысла в конце XVII в. русское правительство всеми средствами пыталось сохранить этот источник дохода, ограничивая частную торговлю пушниной, ее экспорт на второстепенные рынки (Китай) и беря под защиту инородцев в их правах на охотничьи угодья. В то же время из пушных доходов государства финансировался широкий круг его потребностей, включая кредитование русского купечества, военное строительство и реализацию целей внешней политики. Выход сибирской пушнины на рынки Западной Европы позволял в значительной части поддерживать импорт из этих стран стратегически важных товаров [Зубков 2013, с. 234–235]. В середине XVII в. через основное «окно» торговли с Западом – Архангельск – ежегодно из России вывозилось пушнины в среднем на 100 тыс. руб. [Кизеветтер 1919, с. 47].

С точки зрения ресурсных предпосылок модернизации России, еще более важным последствием колонизации восточных территорий стало расширение базы производства черных и цветных металлов. С начала XVIII в., когда развернулись масштабные реформы Петра I, резко возросшие потребности государства в металлах уже не могли покрываться только за счет интенсификации производства в старых металлургических районах (олонецкие, поволжские и подмосковные заводы) с их крайне ограниченной ресурсно-сырьевой базой. В течение нескольких первых десятилетий XVIII в. хозяйственный и социально-культурный потенциал колонизации, представленной в основном крестьянством, служилым и ссыльным элементом, позволил стремительными темпами создать на востоке страны сразу три крупных горно-металлургических центра – на Урале, Алтае и в Забайкалье. Именно эти регионы составили своеобразную стратегическую «ось» дальнейшего индустриального освоения восточных окраин России. В XVIII–XIX вв. возросшая роль восточных регионов в развитии горной промышленности была существенно усилена развертыванием добычи серебра и золота.

Исключительная роль колонизации восточных регионов в создании предпосылок для разворачивания модернизационного процесса определялась тем, что России, в силу ее социально-экономического и технико-технологического отставания от Европы, приходилось опираться в развитии

индустрии на преимущества, связанные, прежде всего, с естественно-природными факторами продуктивности. Последние, в свою очередь, обеспечивались тем разнообразием и богатством вновь открытых ресурсов, которые обеспечивал широкий территориальный размах колонизации. В создании, например, центра черной и цветной металлургии на Урале решающую роль сыграло чрезвычайно удачное сочетание в его горной области основных факторов металлургического производства: богатейших и доступных для разработки руд, больших запасов качественного леса, разветвленной речной сети, обладающей значительным потенциалом водной энергии и обеспечивающей удобную транспортировку готовой продукции. Как отмечалось историками, при примерно одинаковом уровне техники и социальной организации металлургического производства, на Урале себестоимость производства полосового железа в начале XVIII в. была более чем в 2–2,5 раза ниже, чем на олонечских и подмосковных заводах, – что всецело следует отнести на счет благоприятных природных факторов [Дулов 1983, с. 100]. Однако достигаемые преимущества заключались не только в высоком качестве уральских железных руд и доступности богатых лесных массивов, но и в том, что наличие крупных запасов топлива и сырья позволяло на новых площадках перейти к организации металлургического производства в принципиально ином, чем прежде, – крупнозаводском – масштабе, что в дальнейшем открывало путь для внедрения новой техники и использования более эффективных технологий. По-видимому, уже на стадии зарождения российской промышленности размеры производства, «экономия масштаба» становились существенными факторами снижения себестоимости продукции, а сами крупнопромышленные формы производства определяли принципиальную совместимость организационно-технической основы развития индустрии в России и на Западе [Опыт российских 2000, с. 105].

Не будет преувеличением сказать, что в тех конкретно-исторических условиях, в которых Россия находилась в начале XVIII в., именно экстенсивное расширение ресурсной базы в процессе продолжающейся колонизации восточных окраин сделало возможным переход к политике модернизации страны. О динамике модернизационного «скачка» ясно говорит, в частности, статистика производства черных металлов в России с 1700 по 1800 г. За 1700–1725 гг. выплавка чугуна в стране выросла со 150 тыс. до 800 тыс. пудов (рост в 5,3 раза за 25 лет), а к 1767 г. – до 4,5 млн пудов (рост в 5,6 раза за более чем 40 лет). К 1800 г. темпы роста производства чугуна заметно замедлились: оно достигло лишь 10 млн пудов (рост по сравнению с 1767 г. в 2,2 раза) [Дробижев, Ковальченко, Муравьев 1973, с. 233]. Хотя на протяжении всего XVIII столетия прирост производства металла в абсолютных цифрах имел нарастающую тенденцию (благодаря расширению исходной базы в каждом периоде), среднегодовые темпы его прироста имели тенденцию к снижению: свыше 17% в 1700–1725 гг., 11% в 1725–1767 гг. и только 4% – в 1767–1800 гг. Наивысшие показатели приходится на период 1700–1725 гг., когда форсированными темпами происходило экстенсивное расширение материально-производственной базы черной металлургии в районах, впервые вовлекаемых в промышленное развитие. Таким образом,

в данном случае модернизационный «скачок» имел в своей основе экстенсивную природу.

Отмеченные особенности российской модернизации – по крайней мере, ее ранних этапов – позволяют говорить о ее тесной сопряженности и даже взаимопроникновении с процессом колонизации. Это объясняется тем, что в России модернизационный процесс в существенной степени вынужден был опираться на компенсирующие ее исходную экономическую и техническую отсталость резервы экстенсивного развития. В какой степени ключевой для развертывания модернизации фактор наличия финансовых и материальных ресурсов мог обеспечиваться в России колонизацией новых территорий, дополняемой преимуществами прямой государственной монополии и присвоения «природной ренты», – в такой же степени сами стратегии модернизации, с характерной для них последовательностью реализации задач и удовлетворения ресурсных потребностей, должны были накладывать самый сильный отпечаток на динамику и характер колонизации.

Безусловно, растянувшаяся на четыре столетия (и отчасти продолжающаяся до сих пор) русская колонизация восточных территорий страны имела общую поступательную, непрерывно нарастающую динамику развития, подчиненную историческому процессу роста географических знаний, заселения и усложнения социальной жизни, преемственности хозяйственных, демографических и культурных накоплений. Социально-историческая ткань этой преемственности обеспечивалась периодическими всплесками крестьянских переселений, в которых В.О. Ключевским, однако, была уловлена совершенно оригинальная динамика. По его наблюдениям, в процессе колонизации население «распространялось по равнине не постепенно путем нарождения, *не расселяясь, а переселяясь*, переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и сядясь на новые» [Ключевский 1987, с. 50]. Уже в этих замечаниях великого историка содержится указание на то, что русская колонизация сурового по своим природным условиям и редконаселенного востока отнюдь не была воплощением вполне органичного территориального расширения как следствия перенаселенности старых мест обитания и нехватки земли. Скорее, непрерывность процесса обуславливали простая территориальная связность мест выхода и мест нового оседания, усиленная удобными путями сообщения, а также располагающее к накоплению опыта сходство базовых природных условий земледельческо-промысловой деятельности в протяженной полосе от Русского Севера через Урал до Западной и отчасти Восточной Сибири. При таких условиях сформировалась глубинная экономическая мотивация русского крестьянина, при которой «перелет» на новое место – при всех трудностях освоения – становился более выгодным, чем улучшение агротехники на истощившихся участках малоплодородной земли. Как результат, в ходе колонизации выработался и особый социальный тип колониста – крестьянина-земледельца по основному своему занятию и одновременно чрезвычайно выносливого, неприхотливого работника, привыкшего к выполнению разного рода неземледельческих занятий и повинностей (заводские работы, прокладка путей сообщения, извоз, лесозаготовки и т. п.) [Зубков 2018б, с. 85, 89]. Таким образом, по историческому итогу, мы видим, с одной сто-

роны, постепенное превращение разрозненных групп служилых людей и крестьян в более или менее устойчивые колонизационные потоки, которые в цивилизационном отношении продолжают, по выражению Н.Я. Данилевского, русскую жизнь, «расширяют единый, нераздельный круг ее» [Данилевский 1995, с. 412]; с другой же – сохраняется крайне разреженный, «островной» характер колонизации, которая почти нигде не становится сплошным расширением заселенного и хозяйственно освоенного ареала, перемежается огромными пустыми пространствами. Усиливая фиксацию ограниченного и фрагментированного характера восточнославянской колонизации Евразии, В.П. Семенов-Тянь-Шанский уподобил ее *действительный* ареал фигуре «постепенно суживающегося, зазубренного меча, тончающего на своем восточном тихоокеанском конце, вклинившегося между суровыми в климатическом отношении территориями севера Азии и исконными землями самого обширного государства желтой расы – Китая» [Семенов-Тянь-Шанский 1929, с. 190–191].

Еще более неравномерной, фрагментированной, дискретной по своему характеру русская колонизация за Уралом предстает в динамическом аспекте, при попытке проследить ее общую траекторию. Ее динамика претерпевала как периоды впечатляющего усиления (как, например, стремительный «рывок» русских землепроходцев до Тихого океана всего за полвека), так и периоды спада и застоя, напоминая смену разделенных во времени волн активности. Каждая из таких волн, пробегая всё громадное колонизируемое пространство, включала в эксплуатацию лишь отдельные виды ресурсов и, соответственно этому, охватывала своим воздействием природные ареалы довольно избирательно, порождая и особые географические конфигурации распределения активного населения, и направленность главных векторов его перемещения, и особую организацию и «настройку» административной власти.

Смена ресурсных приоритетов могла вести к существенной трансформации всей территориально-экономической модели освоения и всякий раз как бы запускала процесс колонизации заново. Как результат, процесс освоения долгое время не получал необходимой последовательности и надежного фундамента в виде органично растущего и прогрессивно диверсифицирующегося хозяйства. На эту выразительную особенность русской колонизации востока в свое время обратил внимание в одной из своих работ С.В. Бахрушин [Бахрушин 1922], связав ее с сильнейшей зависимостью всего процесса освоения восточных окраин – прежде всего, в организационно-экономическом отношении – от потребностей государственной казны и соответствующих мер правительственной регламентации хозяйственной жизни.

Первые два крупных этапа колонизации Урала и Сибири (хронологически частично накладывающиеся друг на друга) – пушную «лихорадку» XVII – первой половины XVIII вв. и форсированное развитие центров горнозаводской промышленности с начала XVIII и примерно до середины XIX вв. – историк объяснял не столько последовательным саморазвитием местной экономики, сколько теми ресурсными доминантами, которые в тот или иной период выдвигал на первый план государственный интерес. На основе этих приоритетов – не столько даже собственно развития, сколько

эксплуатации окраин – строилась вся правительственная политика, которая разными мерами, в конечном итоге, подчиняла себе основные живые силы колонизационного процесса. Отсюда и методологически важный вывод С.В. Бахрушина о нарушении в ходе освоения восточных регионов общеизвестной в истории эволюционной последовательности смены хозяйственных укладов – от примитивной присваивающей (промысловой) экономики к аграрной, а от нее – к индустриальной. На Урале и в Сибири промысловый этап освоения стал сменяться этапом широких геологических разведок и устройства горнозаводских районов со сложным вспомогательным хозяйством, а широкое аграрное освоение встало в повестку гораздо позже. Лишь с конца XVIII в., а именно – с издания указа «О заселении Забайкалья» от 17 октября 1799 г.²¹⁶, можно говорить о зачатках формирования совершенно нового подхода к колонизации окраин. С этого времени стал осуществляться медленный переход к систематическому и широкому заселению востока земледельческим населением и созданию там прочных основ аграрной экономики и сопутствующих ей отраслей переработки. С полной силой эта тенденция развернулась, однако, только с последних десятилетий XIX в.

По понятным причинам, этот вывод историка не простирался так далеко, чтобы соотносить колонизацию восточных окраин России с процессом ее модернизации; скорее, речь шла о том, чтобы показать, как изменяющаяся конъюнктура государственных потребностей в ресурсах влияла на ход колонизации и очередность ее волн. Однако при более внимательном рассмотрении в самом порядке этих конъюнктурных запросов на ресурсы можно увидеть отчетливое проявление модернизационной тенденции. Бесперебойное поступление в казну сибирской пушнины, превращая восток страны в важный «валютный цех» государства, помогало поддерживать выгодного для России внешнеторгового баланса и созданию финансовых резервов для перехода к форсированной модернизации в начале XVIII в. Довольно резкий переход в колонизационной политике к освоению рудных богатств Урала и Сибири и созданию там крупных центров местной металлургии, в свою очередь, отражал назревшую необходимость в организации собственного производства черных и цветных металлов. Третья – аграрная – волна колонизации, постепенно набравшая темпы в восточных регионах страны с середины XIX в., существенно отличалась от узкопрагматичных, принудительно регламентируемых и не всегда дальновидных подходов к делу колонизации в предшествующие эпохи. Она не сулила государству быстрой отдачи, но имела демографически более массовый, территориально – более широкий масштаб, а ее последствия для развития экономики и социальной жизни носили более глубокий, качественно преобразующий характер. Включая в процесс колонизации огромные массы людей на совершенно новой социально-институциональной основе – на базе раскрепощения хозяйственной инициативы, активной ориентации на рынок и внедрения технических новшеств, аграрное освоение восточных окраин на рубеже XIX–XX вв. подводило под процесс модернизации государства и общества более прочный фундамент. Создавались будущие основы для органичного эконо-

²¹⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание первое. Т. XXV. 1798–1799 гг. СПб., 1830. С. 813–815.

мического роста: росли сборы зерновых и аграрный экспорт; происходило расширение внутреннего рынка и рынка капиталов; города, ограниченные прежде ролью административных центров, становились узлами торгово-промышленной жизни; быстро развивались строительство, магистральный транспорт, лесное хозяйство, промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Прогресс крестьянской экономики формировал предпосылки для прохождения переселенческими регионами Сибири первых стадий индустриализации – на этот раз не форсированно насаждаемой правительством, но массовой, органично растущей «снизу», благодаря коммерциализации аграрного сектора экономики [Зубков, Побережников, Шумкин 2019, с. 163–164].

В такой же мере, в какой колонизация зауральских территорий воздействовала на темпы и характер российских модернизаций XVIII–XX вв., можно говорить и об обратном воздействии стратегий модернизации на динамику и качество колонизационного процесса. На протяжении всех трех вышеупомянутых крупных этапов колонизации восточных регионов мы наблюдаем тенденцию перехода от поверхностных, подчиненных временной конъюнктуре форм эксплуатации наиболее доступных и богатых ресурсных статей – своего рода политики «снятия сливок», или присвоения природной «ренды» – к постепенному совершенствованию и углублению производственно-экономической функции. Это выражалось, прежде всего, в углублении переработки природного сырья и переключения внимания с наиболее доходных и быстро истощаемых ресурсов на более долгосрочные и универсальные. Как ни парадоксально, колонизация Сибири, совершив за три столетия ряд циклов эксплуатации наиболее ценных ресурсов, доставляемых ее природой, по существу, вернулась к концу XIX столетия к более глубокому и разностороннему освоению самого избыточного и универсального экономического ресурса, который привлекал на восток русского крестьянина, – земли.

При более детальном исследовании вопроса о том, какое значение аграрное освоение имело на ранних этапах колонизации востока, обнаруживается, что представление о непрерывном движении масс крестьянства за Урал и успехах сибирского хлебопашества в этот период является явным преувеличением. Помимо того, что в XVII и отчасти в XVIII вв. аграрная колонизация Сибири серьезно сдерживалась демографическими (общий недостаток населения) и геополитическими (угрозы со стороны кочевников) факторами, устройство «сибирской пашни» в этот период не смогло перерасти в самостоятельную и массовую экономическую тенденцию и из-за непоследовательности и противоречивости правительственной политики. Рассматривая местное хлебопашество лишь как вспомогательное средство снабжения продовольствием служилого населения Сибири, правительство не только не поощряло приток населения на восток, но и старалось сдерживать его, поскольку не желало терять тяглого населения в центре страны и иметь лишние рты на востоке. В случае необходимости оно прибегало к дозированным посылкам в Сибирь небольших контингентов крестьян двумя известными способами – «по указу» и «по прибору», а также стремилось использовать труд ссыльных. Иногда переселения крестьян осуще-

ствлялись внутри Сибири, приводя к зарождению новых слобод в одних местах и упадку старых из-за убыли рабочих рук – в других. Потенциал вольно-народной колонизации Сибири в основном ограничивался небольшими группами «гулящего» и беглого элемента, который местные власти вынужденно принимали и сажали на землю, вопреки правительственным запретам. По мнению дореволюционного сибирского историка И.В. Щеглова, ресурсы «сибирской пашни», устройство и расширение которой только и могло претендовать на роль «настоящей колонизации» [Щеглов 1993, с. 46], в XVII в. были столь незначительны, что баланс между численностью населения и продовольственными припасами мог поддерживаться на новых территориях востока лишь с большим трудом [Зубков 2020, с. 136, 138]. В XVIII в., как отмечал в своем известном сочинении Ю.А. Гагемейстер, организованные присылки крестьян в Сибирь (в частности, на Алтай) уже были связаны не столько с пополнением земледельческого населения, сколько с необходимостью приписки к заводам новой рабочей силы. Это отвлечение и без того немногочисленного крестьянского населения на заводские работы приводило к формированию структуры расселения, которая в целом не благоприятствовала земледельческому освоению края, ограничивая тем самым возможности аграрной колонизации [Гагемейстер 1854, с. 60, 120].

Массовые крестьянские переселения в Сибирь конца XIX – начала XX вв., на этот раз поощряемые и организуемые правительством, осуществляемые с ясно определенной экономической целью – найти выгодное употребление громадным земельным ресурсам востока, – это уже совсем другая реальность по сравнению с тем, как осваивалась Сибирь в предшествующие эпохи. Колонизационный «рывок» рубежа XIX–XX вв., хотя и преемственно связанный многими чертами с длительной традицией крестьянских переселений на восток, обретает новое качество и смысл, приближаясь к классической модели переселенческой колонизации. Доминантой освоения зауральских территорий становится уже не конъюнктурная ориентация на извлечение наиболее ценного ресурса, но организационная систематическая и разнообразная экономическая деятельность на основе прочного водворения на земле производительного населения. Снимая препоны на пути широкой аграрной колонизации Сибири, правительство, как и в прежние эпохи, прибегало в этом деле к наименее затратным средствам, предпочитая не столько вкладывать в этот край инвестиции, сколько уповать, прежде всего, на свободную хозяйственную инициативу русского крестьянина [Зубков 2019, с. 21].

Несмотря на то, что аграрная отрасль на эволюционной шкале производственных форм относилась, скорее, к традиционному хозяйству, резкий рост ее производительности и гигантская пространственная экспансия на рубеже XIX–XX вв. теснейшим образом были связаны с процессами модернизации, в частности, с развертыванием второй промышленной революции. Крестьянская колонизация Сибири и других восточных окраин России в этот период являлась частью глобального феномена «переселенческой революции», которая, помимо востока России, с конца XIX в. охватила западные районы США и Канады, Австралию, страны Латинской Америки (Аргентина). Американский историк Дж. Белич справедливо подчеркивает,

что впечатляющие результаты этой «революции» стали возможны благодаря совершенно новой комбинации факторов, которые были созданы модернизационными процессами. Это, прежде всего, улучшение агротехники и применение машин в сельском хозяйстве, динамичный прогресс магистрального транспорта (железнодорожного, речного и морского), расширение банковской сферы и системы сельскохозяйственного кредита, развитие средств связи (регулярная почтовая связь, телеграф) и распространения информации (реклама, пропаганда и т. п.). В свою очередь, и аграрное освоение новых территорий становилось важнейшим условием дальнейшей модернизации – прежде всего, в связи со стремительно растущим спросом на продовольствие со стороны расширяющихся ареалов индустриализации и урбанизации [Belich 2009, p. 106–124].

Сложная, неравномерная динамика колонизации, обусловленная, в том числе, ее противоречивым взаимодействием с модернизационными процессами, в существенной степени повлияла на сохраняющуюся длительное время неоднородность громадного пространства, которое уже к середине XVII в. было включено в политические пределы России. Эта неоднородность выражалась не только в самых глубоких контрастах между уровнем развития исторического центра страны и состоянием почти не затронутых освоением, редконаселенных окраин, где деятельность человека – чем дальше на восток, тем во всё большей степени – диктовалась соображениями примитивного выживания в непосредственной борьбе с природой. Хотя, в зависимости от давности заселения и благодаря хозяйственно-культурным накоплениям, по мере движения колонизации на восток, многие показатели развития (плотность населения, структура и размер землепользования и т. п.) в целом имели тенденцию снижаться от одного крупного региона к другому, чрезвычайная пестрота уровней и градаций развития, ближайшее соседство вполне устроенных центров цивилизации с совершенно дикими, неосвоенными местностями наблюдались и в пределах каждого из таких регионов. Помимо разности природно-географических условий, это объяснялось как раз вышеописанными особенностями русской колонизации, которая, проходя своими волнами все пространство от Урала до Тихого океана, на каждом этапе вовлекала в оборот различные виды ресурсов и никогда не представляла собой ни завершенного процесса, ни сплошного и последовательного расширения заселенной и освоенной территории.

Для исследования процесса колонизации во всем богатстве его форм и фиксируемых стадий прогресса важное эвристическое значение имеет понятие «фронтир», которое с 1990-х гг. стало активно (хотя и не всегда адекватно и критично) использоваться российскими историками, в том числе для анализа русской колонизации Урала и Сибири XVII – начала XX вв. Концепция фронта, выдвинутая американским историком Ф.Дж. Тёрнером в 1893 г. [Тёрнер 2009; Turner 1908] для объяснения стадияльно-процессуальной динамики колонизации американского Запада, обнаружила со временем черты универсальной объяснительной модели, способной не только адекватно осмыслить специфический опыт освоения Запада США (чем, собственно, ограничивал свою концепцию сам Тёрнер), но и быть удобным познавательным инструментом при изучении стран, в истории которых су-

щественную роль играли колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток».

Исходно понятие фронта характеризовало непрерывно воспроизводимую в ходе колонизации подвижную границу освоения, своего рода передний край «цивилизации», приходящей в столкновение с «дикостью» – обобщенным образом трудностей и препятствий, которые создавали для колониста суровая девственная природа и сопротивление туземного населения, находящегося, как правило, на более примитивной стадии развития. Тем самым свойство фронтности, по принципу контраста, призвано было фиксировать дистанцию различий, которые в хозяйственном, социально-политическом и культурном отношении разделяли давно освоенный, зрелый по многим параметрам развития исторический центр страны («ядро») и расширяющийся круг ее вновь колонизируемых земель («граница»). Хотя концепция Тёрнера фокусировалась, прежде всего, на специфике жизненного уклада и социальной психологии первопоселенцев, на наш взгляд, она вполне поддается более широкой трактовке и может быть распространена на все своеобразие хозяйственных форм, социальных и административно-политических институтов, культурных практик, которые вновь создавала и зачастую сплавляла в единое целое обстановка первичного освоения. Кроме того, в исторических работах, обсуждавших концепцию Тёрнера, помимо содержательного расширения концепта «фронт», была выявлена и известная односторонность тёрнеровского представления об определяющем влиянии героического опыта и независимого духа «подвижной границы» на социальный и политический строй страны. Историки обратили внимание на несомненную значимость для жизни окраин традиций и практик, «вывезенных» из метрополии, на регулируемую роль государства, на постоянное и интенсивное взаимодействие «ядра» и «границы» [Кушнер 1993; Шейд 2004; Зубков 2018а; Агеев 2005; Резун, Ламин, Мамсик, Шиловский 2001; Резун, Шиловский 2005; Побережников 2013а].

Обобщение выводов зарубежной и российской историографии, посвященных проблемам колонизации в широком сравнительном аспекте, и проведенные нами исследования позволяют выделить и трактовать в качестве характерных черт фронта следующие особенности восточного направления русской колонизации XVII–XX вв.

Во-первых, следует указать на комплекс благоприятствовавших колонизации условий и предпосылок, который обобщенно можно характеризовать как «освоенческий синдром». Он был обусловлен, прежде всего, природно-географической предрасположенностью к развертыванию колонизационного процесса в восточном направлении. Это – выраженный геополитический градиент, заставлявший Сибирь, по выражению С.М. Соловьева, «смотреть исключительно на запад» [Соловьев 1988, с. 70], т. е. в сторону России; наличие там относительно доступных, «пустых» (по терминологии жалованных грамот конца XVI в.) [Алексеев, Алексеева, Зубков, Побережников 2004, с. 26] и не доставлявших больших военных осложнений пограничных земель; сходство ландшафтно-почвенных условий в протяженной полосе земель, протянувшихся от северо-востока коренной России через Урал в

глубь Сибири, что существенно облегчало адаптацию русского земледельца на новых местах [Зубков 2018б, с. 84–85].

В органичной связи с действием факторов природной среды формировалось общество с относительно высокой подвижностью населения, отличавшегося если не тягой, то готовностью к перемене мест при ухудшении условий хозяйствования. Эту мобильность усиливала необходимость комбинировать в условиях северной лесной зоны земледелие с разнообразными промыслами. Еще при освоении в XIII–XV вв. великорусского исторического центра с его непроходимыми лесами и болотами, трудными для обработки суглинистыми почвами, неустойчивыми погодными условиями, сформировалась устойчивая хозяйственная мотивация, делавшая для крестьянина менее затратным переселение на вновь осваиваемые земли, чем попытки интенсифицировать хозяйство на выработанных участках. Этот «код» жизнедеятельности русского крестьянина, исторически, подготовил его к участию в колонизации обширных восточных территорий. Вне зависимости от того, поощряло ли правительство переходы крестьян за Урал или, наоборот, ограничивало их, переток населения на восток в той или иной форме непрерывно поддерживался, отражая стремление русского земледельца к поискам лучших условий хозяйствования. Эта тенденция стихийно действовала во многом вопреки усиливавшемуся с конца XVI в. процессу закрепощения крестьянства.

Следует также учитывать, что повышенной мобильности населения в процессе колонизации восточных окраин России способствовало и то, что вновь открытые земли служили своего рода клапаном для разрядки социальных проблем и противоречий, имевших место на территории исторического центра страны. Не только процессы закрепощения сословной политики, но и другие трансформации сложившегося порядка жизни (например, церковная реформа) приводили к стихийному, а порой и принудительному вытеснению на вновь колонизируемые земли не только беглых, но и других «несистемных» или неконформистских элементов общества (например, старообрядцев и других ветвей сектантства). Даже небольшие и разрозненные контингенты беглых, разного рода «гулящих» и «охочих» людей, в сумме, позволяли на протяжении XVII и большей части XVIII вв. закрывать необычайно острую потребность в рабочих руках, с которой сталкивались местные администрации при отправлении правительственных нужд и заданий на подведомственных территориях. Эта практика, помимо всего прочего, может служить косвенным свидетельством складывания на восточных окраинах, вдали от правительственного контроля, некоторого общественного консенсуса между населением и местными властями, зачаточной формы самостоятельных территориальных интересов, а, следовательно, некоего подобия общества фронта.

Во-вторых, восточный фронт русской колонизации, по целому ряду причин, отличала, по сравнению с центром страны, довольно сложная социальная композиция, – вполне, впрочем, сопоставимая с фронтальной спецификой других стран. Поскольку фронтальные сообщества формировались из разных переселенческих потоков и весьма пестрой палитры сословных элементов (иногда с очень неопределенным статусом), их, как правило, от-

личала повышенная социально-сословная и культурная мозаичность. Вся обстановка фронта, при его малолюдности и подверженности реальным военным угрозам, должна была укреплять внутреннюю сплоченность и солидарность всех групп колонистов, однако, в реальности, из-за своей исходной неоднородности, разности интересов и ожиданий составляющих элементов фронтные сообщества в такой же степени были подвержены социальной конфликтности. Это не только типичные формы социального протеста (например, вследствие тяжелых условий жизни и произвола администраций), но и межгрупповые конфликты разной природы – между администрациями, между сторонниками разных кандидатов на административные должности, между отрядами казаков, соперничающими за ясачные сборы, и т. п. [Андреевич 1889, с. 149–153].

На наш взгляд, это объясняется тем, что в условиях фронта выраженность и, как следствие, закреплённость социальных ролей и статусов были существенно ослаблены; на новых территориях процессы социальной идентификации и «кристаллизации» сословных статусов во многом как бы «запускались» заново, что провоцировало и определенное внутреннее соперничество. Перемены социальных статусов и ролей – например, переход из разряда свободных промышленников в служилые люди и наоборот, повышение сословного статуса через административную службу, рекрутирование крестьян и посадских людей в казаки и т. п. – были для колонизируемых окраин довольно типичным явлением. При этом неопределённость социальных ролей была, как правило, следствием малочисленности общей массы населения и слабого развития разделения труда. Например, из-за хронических проблем со снабжением городов и острогов хлебом хлебопашеством вынужденно заниматься не только государевы пашенные крестьяне, но и практически все категории населения (служилые и торговые люди, священники и др.). Крестьяне же, помимо выполнения разного рода натуральных повинностей, в случае военной опасности часто выступали навстречу врагу вместе со служилым войском [Зубков 2020, с. 135–136].

В-третьих, разнородность элементов, составлявших фронтные сообщества, усиливалась этноконфессиональным и этнокультурным разнообразием. Фронт, по определению, являлся не только передовой границей колонизации, но и зоной активного межэтнического взаимодействия, причем к России это относится в гораздо большей степени, чем, скажем, к американскому Западу [Побережников 2013б, с. 44–52]. Специфика русской колонизации, стартовавшей в XVII в. с организации системы извлечения в пользу казны (и лишь частично частных промышленников) ресурсов пушнины, предопределила относительно щадящие формы податной эксплуатации коренного населения, а в отдельные периоды – и некоторые формы правительственной опеки над ним.

Такая политика, несмотря на массу насилий и злоупотреблений со стороны сборщиков ясака, открывала поле для взаимной адаптации культурно-хозяйственных укладов аборигенного и пришлого населения, а, в силу недостатка на колонизируемых землях женского населения, и для частичной ассимиляции (метизации). Конструктивный контакт с аборигенным населением в существенной степени обогащал производственный и культурно-

бытовой опыт колонистов, повышал потенциал их адаптации к условиям конкретных природно-географических сред. В свою очередь, коренное население под влиянием пришлого русского населения переходило к известной модернизации и коммерциализации своих традиционных промыслов, восприняло целый ряд бытовых элементов и практик русского населения. Долговременное существование фронта в значительной мере сформировало новую, имперскую – относительно толерантную и конструктивную – модель межэтнических взаимодействий, ставшую одной из конститутивных черт российской цивилизации.

В-четвертых, отличительной чертой восточного фронта русской колонизации являлась заметная милитаризация всего жизненного уклада колонистов и формирующейся системы расселения. Эта особенность освоения не только отражала исторически выдающуюся роль военно-служилого сословия в покорении и политическом закреплении зауральских территорий за Россией. Она была обусловлена необходимостью осуществлять хозяйственную деятельность под перманентной угрозой возмущений ясачного населения и набегов степных кочевников, что часто заставляло первых русских насельников Сибири постоянно жить в условиях повышенной бдительности, совмещая функции труженика и воина.

Как ответ на это, потребовался переход к систематической политике военной безопасности и охраны границ, которая выразилась, в частности, в подчиненном определенному плану размещении фортификационных сооружений, образовывавших целостный оборонительный контур вдоль открытых южных границ Урала и Сибири [Огурцов 1990], дислокации воинских частей, создании на поселенной основе прикрытия границ в виде иррегулярных (казачьих) воинских формирований (Яицкое, позднее – Уральское, Оренбургское, Башкиро-мещеряжское – на Урале; Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское – в Сибири и на Дальнем Востоке) [История казачества 1995], установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник) [Зубков, Побережников 2003, с. 32–35, 41, 43–45; Побережников 2013а, с. 258–259]. На наш взгляд, значение военного фактора, во многом определявшего условия и порядок жизни на зауральском фронте, простиралось гораздо дальше, чем поддержание колонизационной динамики. Реалии восточного фронта, как бы физически пролонгируя инерцию военно-мобилизационной сущности Московского государства и абсолютистской империи, закрепляли характерную для России систему приоритетов государственной политики, которая однозначно ставила задачи военной безопасности выше задач по поддержанию и стимулированию хозяйственного развития.

В-пятых, при всех импульсах самоорганизации, которые стихийно проявлялись на восточном фронте, процесс освоения Урала и Сибири невозможно представить без сильной и всепроникающей роли государства. В данном случае речь идет о специфической черте русской колонизации, размах которой, как ни парадоксально, не ослаблял, но требовал усиления государственной регламентации. В этом исторический опыт России, в известном смысле, контрастирует с опытом других стран, переживавших процессы колонизации (в частности, США и Канады).

Возникший еще в эпоху Московского великого княжества мобилизационный тип государства, организованного как «военный лагерь», с жестким прикреплением всех сословий к несению разных повинностей и служб, по мере расширения границ государства, должен был лишь усиливать свою роль, поскольку государство превращалось в единственную институциональную «надстройку», вынужденную политическими средствами восстанавливать единство дисперсно заселяемого в ходе колонизации и исходно экономически очень разобщенного пространства страны. Этот эффект «разбегающейся» страны, наблюдаемый даже в пределах великорусского исторического центра, с выходом колонизации на обширные пространства за Уралом должен бы приобрести еще большую остроту. Не имея возможности опираться на силы экономического сцепления и быстрый рост народного благосостояния, государственное управление неизбежно приобретало черты навязываемой «сверху» системы бюрократической сверхэксплуатации и перераспределения скудного прибавочного продукта. (Генезис этой системы государственного управления, при которой политические цели государства постоянно опережают экономическое развитие, подробно рассмотрены в фундаментальной монографии Л.В. Милова [Милов 1998]).

Очевидно, что на необъятных просторах Сибири, при ничтожности людских ресурсов, редкой сети острогов и слобод, дальних расстояниях и отсутствии путей сообщения, лишь опережающее становление структур административного управления могло придать разрозненным и слабым усилиям по освоению территории характер целостной системы контроля и согласованной экономической деятельности.

Нередко во вновь присоединенных районах Сибири освоение начиналось с организации своеобразного «административного фронта» – создания сильной и в меру автономной военно-административной системы управления (генерал-губернаторства, наместничества), сосредоточенной, прежде всего, на исполнении полицейских и фискальных функций, но сохранявшей традиционные институты самоуправления коренного населения [Ремнев 1994, с. 63; Побережников 2011, с. 24–29; Побережников 2012, с. 17–20].

На новых территориях и экономическая роль государства являлась критически важной на всех этапах колонизации. При создании первых горнозаводских анклавов на Урале и в Сибири в первой половине XVIII в. государство обеспечивало частных владельцев всеми основными факторами производства (земельные латифундии для организации многопрофильного горно-металлургического производства, прикрепление к заводам рабочей силы, правительственные заказы и т. п.), сохраняя за собой не только рычаги регулирования деятельности заводов, но и право на административное вмешательство [Опыт российских 2000, с. 147–148]. Даже в период, когда правительство в конце 1880-х гг., стимулируя свободную хозяйственную инициативу, сняло все препоны для массовых крестьянских переселений в Сибирь, они – с учетом маломощности основной массы крестьянских хозяйств – вряд ли имели бы успех без внушительной государственной поддержки при создании базовой «инфраструктуры» этого процесса – выдачи переселенческих ссуд, организации транспорта, устройства пунктов пита-

ния и врачебной помощи, гидротехнического и дорожного строительства, землеустроительных и агрономических работ. На эти цели с 1893 по 1917 г. правительством было ассигновано около 250 млн руб. [Усов 1927, с. 296]. Таким образом, в силу недостаточности наличных сил для свободной массовой колонизации становление урало-сибирского фронта невозможно рассматривать без активного участия государства, его исключительной регулятивной роли.

В-шестых, в дополнение к рассмотренным выше аспектам взаимодействия колонизации и модернизации, необходимо подчеркнуть ту роль, которую играл восточный фронт колонизации в формировании российской экономики, определении ее структуры и пропорций, масштабов и форм участия в международном разделении труда. Несомненно, что расширение государственной территории увеличивало объем и номенклатуру разнообразных ресурсов, необходимых для запуска процессов модернизации (что произошло уже на стадии протоиндустриализации XVIII в.), способствовало формированию емкого внутреннего рынка, обеспечивая самодостаточность экономического развития страны и даже ее замыкание в рамки автаркии – со всеми позитивными и негативными последствиями этой тенденции. По существу, колонизация, в особенности ее восточное направление, связанное с освоением Сибири, представляла собой определяющий процесс, который, согласно Ф. Броделю, превращал Россию в самостоятельный «мир-экономику», т. е. самодовлеющую структуру, «экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство» [Бродель 1992, с. 14].

Помимо того, что Россия – как «мир-экономика» со своим собственным институциональным порядком – во взаимодействии с внешними рынками несла значительные транзакционные издержки, восточный вектор колонизации, смещая центр тяжести экономики и населения, постепенно увеличивал удаленность страны от приморских зон мировой торговли, затрудняя полноценную интеграцию страны в систему международного разделения труда. Учитывая, что динамика экономического развития фронтальных территорий – при узости воспроизводственной базы и ее слабой диверсификации – определялась, как правило, временными ресурсными «бумагами» и, как следствие, инерционными последствиями этой односторонней специализации (перенасыщенность местного рынка, кризис сбыта, медленное восстановление за счет решения проблемы экспорта в метрополию) [Белич 2018, с. 73–74], для их развития критическое значение приобретали проблема выхода их продукции на внутренний и внешний рынки, фактор доступности экономической транспортной связи.

Развитие транспортных коммуникаций оказывало двоякое влияние на стимулирование процесса колонизации: с одной стороны, оно способствовало массовому притоку переселенцев, с другой – обеспечением вывоза продукции интегрировало экономику фронта в национальное и мировое хозяйство, придавая тем самым и самой колонизации полноценный экономический смысл и ускоряя ее динамику. Отсюда вполне понятно, насколько революционное значение для стимулирования переселенческой колонизации

ции, интенсификации хозяйственного развития фронтальных территорий и их интеграции в структуру национального и мирового рынка имела прокладку Транссиба – единственной к рубежу XIX–XX вв. трансконтинентальной железнодорожной магистрали, соединившей Сибирь с Европейской Россией. С этой точки зрения, для фронтальных территорий и последовательность перехода к индустриализации выглядела несколько иначе, чем для коренной России: если в последней модернизация последовательно охватывала легкую, затем тяжелую промышленность, а затем транспортный сектор, то в Сибири, по мнению историков, промышленный переворот начинался именно с транспорта – сначала водного, а затем магистрального железнодорожного, что создавало условия для последующей индустриализации [Букин, Исаев, Тимошенко 2006].

С точки зрения влияния фактора долговременного существования восточного фронта в истории России на модернизационную динамику, отдельного обсуждения заслуживает вопрос о том, насколько инновационным в перспективе модернизации экономики страны было хозяйственное развитие фронта. Нами уже отмечалось, что в историографии, посвященной проблемам колонизации зауральских территорий, существовали и неявно полемизировали друг с другом две точки зрения на эту проблему. Одна из них исходила из того, что фронт лишь копировал в своем развитии те формы экономической жизни, которые сложились в Европейской России, а, если учесть неизбежное упрощение хозяйственно-бытового уклада первооселенцев, – копировал преимущественно уже отжившие ее формы.

Другая точка зрения обращала внимание на новаторский опыт, который приобретали колонисты в столкновении с новыми природно-географическими средами, на расширение спектра ресурсов и приемов трудовой деятельности, на значение свободной хозяйственной инициативы в развитии новых форм экономики [Алексеев, Алексеева, Зубков, Побережников 2004, с. 544–567]. Поскольку история освоения Урала и Сибири изобилует примерами, подтверждающими каждую из этих точек зрения, для формулирования определенных выводов этот вопрос нуждается в дальнейшей исследовании. Однако на одну важную тенденцию, подтверждающую связь колонизации с развитием новых форм экономической жизни, необходимо указать.

Одним из последствий того экономического подъема, который переживала Сибирь в связи с прокладкой Транссиба и ускорением аграрной колонизации на рубеже XIX–XX вв., стало возникновение целого ряда новых для фронтальных территорий экономических явлений, среди которых специалисты выделяли рост торговли и городов, усиление предпринимательской активности, возросшую мобильность капиталов, начало лесопромышленной колонизации, широкое использование машинной техники в сельском хозяйстве, усовершенствование агротехники и, что очень важно, переход крестьянского землепользования на основе оброчного держания к закреплению земли в частной собственности.

Хотя это развитие еще сдерживалось недостаточным уровнем капитализации крестьянских хозяйств, современники не только отмечали обнадеживающий характер этой тенденции, но и соотносили достигнутый эффект развития с теми преимуществами, которая на вновь осваиваемых террито-

риях обеспечивала свобода от давления старых институциональных форм, которые еще сохранялись в историческом центре страны.

Представление о том, что Сибирь – это широчайшее поле для социального эксперимента, где возможна «сборка» принципиально новых форм экономической жизни, проникало даже в среду государственной бюрократии (в частности, Главного Управления Землеустройства и Земледелия), где вынашивались планы реконструкции всего аграрного строя на новых началах, свободных как от давления старых институтов, так и от негативного влияния западноевропейского капитализма [Зубков 2019, с. 13–14]. На наш взгляд, данный смысловой поворот в оценке значения колонизации для модернизации страны выходит за рамки одного примера и должен быть проанализирован на более широком массиве данных.

Проведенный анализ показывает, что колонизация и модернизации в истории России могут рассматривать как два магистральных взаимопроникающих процесса, в связи с чем к обозначению национально-страновой, и даже шире – цивилизационной, специфики, российских модернизаций XVIII–XX вв., помимо прочих измерений и признаков, может прилагаться понятие «фронтирная модернизация». По существу, данное понятие должно означать модернизацию, осуществляемую в условиях продолжающегося и еще далеко не завершенного освоения территории страны. Его разработка открывает новую, более глубокую перспективу в понимании обоих рассматриваемых феноменов, так как позволяет увидеть в их взаимопроникновении сложную диалектику реальных эффектов, связанных с торможением и ускорением исторического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев 2005 – *Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. – М.: Аспект-Пресс, 2005. – 330 с.

Алексеев, Алексеева, Зубков, Побережников 2004 – *Алексеев В.В. Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. – М.: Наука, 2004. – 600 с.

Андреевич 1889 – *Андреевич В.К.* История Сибири. Ч. I. Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1889. – 220 с.

Бахрушин 1922 – *Бахрушин С.В.* Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. второй / Комитет Севера при Русском географическом обществе и Северная колонизационная экспедиция. – Пг.: Ред.-изд. Комитет Народного Комиссариата Земледелия, 1922. – С. 18–79.

Бахрушин 1959 – *Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. – С. 6–192.

Белич 2018 – *Белич Дж.* Расцветающий фронтир: бум и крах в истории поселенческих сообществ XIX века // Естественные эксперименты в истории / Под ред. Дж. Даймонда и Дж. Робинсона. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – С. 71–117.

Бродель 1992 – *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. – М.: Прогресс, 1992. Т. 3. Время мира. – 679 с.

Букин, Исаев, Тимошенко 2006 – Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. Ч. 1. – С. 66–73.

Гагемейстер 1854 – *Гагемейстер Ю.А.* Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском Комитете. Ч. II. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Импер. Величества Канцелярии, 1854. – 697 с.

Данилевский 1995 – *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Изд. 6-е. – СПб.: Изд-во «Глаголь»; Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. – 513 с.

Дулов 1983 – *Дулов А.В.* Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX века). – М.: Наука, 1983. – 255 с.

Зубков 2013 – *Зубков К.И.* Геополитический базис петровской модернизации России (XVII – начало XVIII в.) // История России: теоретические проблемы. Вып. 2: Модернизационный подход в изучении российской истории / Отв. ред. А.С. Сеньковский; Росс. акад. наук; Ин-т рос. истории. – М., 2013. – С. 231–246.

Зубков 2020 – *Зубков К.И.* Ранняя колонизация восточных регионов России: политэкономический аспект // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 1 (66). – С. 130–139.

Зубков 2019 – *Зубков К.И.* Ранняя колонизация Сибири: смыслы и уроки истории // ЭКО: Всеросс. экон. журнал. 2019. № 1. С. 8–24.

Зубков 2012 – *Зубков К.И.* Региональная история: время переосмысления // Стратегия и практика исследовательского поиска в отечественной истории: региональный аспект. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 22–23 ноября 2012 г.) / Отв. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2012. – С. 36–54.

Зубков 2018а – *Зубков К.И.* Фронтир как исследовательская парадигма // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 63–71.

Зубков 2018б – *Зубков К.И.* Цивилизационные особенности колонизационных процессов в истории России // Мир историка и пространство истории: сборник статей к юбилею проф. Н.Н. Алеврас. – Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 74–91.

Зубков, Побережников 2003 – *Зубков К.И., Побережников И.В.* Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.) / Отв. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2003. – 93 с.

Зубков, Побережников, Шумкин 2019 – *Зубков К.И., Побережников И.В., Шумкин Г.Н.* «Волны» колонизационной активности в процессе освоения восточных регионов России (XVI – начало XX вв.) // Исторический курьер. 2019. № 6. С. 157–170. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-13.pdf>.

История казачества 1995 – История казачества Азиатской России. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века. 317 с. Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. – 253 с.

Кизветтер 1919 – *Кизветтер А.А.* Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства: Исторический очерк. – Вологда: Тип. Союза Север. Кооператив. Союзов, 1919. – 66 с.

Ключевский 1987 – *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I / Под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1987. – 430 [1] с.

Кушнер 1993 – *Кушнер Г.* Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник. 1992. – М.: Наука, 1993. – С. 136–151.

Лавры Полтавы 2001 – Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. – М.: «Фонд Сергея Дубова», 2001. – 464 с.

Милов 1998 – *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСС-ПЭН), 1998. – 573 с.

Московия 2000 – *Московия и Европа / Г.К. Котошихин. П. Гордон. Я. Стрейс. Царь Алексей Михайлович.* – М.: «Фонд Сергея Дубова», 2000. – 624 с.

Огурцов 1990 – *Огурцов А.Ю.* Военно-инженерная политика русского правительства в Западной Сибири в XVIII в. / Автореф. ... канд. ист. наук / Ин-т истории и археологии. – Свердловск, 1990. – 22 с.

Опыт российских 2000 – *Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Отв. ред. В.В. Алексеев.* – М.: Наука, 2000. – 246 с.

Пивоваров 1996 – *Пивоваров Ю.Л.* Альтернативная концепция макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // *Мир России.* 1996. Т. 5, № 2. С. 63–74.

Побережников 2011 – *Побережников И.В.* Административный фактор в рамках фронтальной модернизации Сибири (XVIII – начало XX в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. Материалы VII Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). – Новосибирск: Нонпарель, 2011. – С. 24–29.

Побережников 2012 – *Побережников И.В.* Административный фактор в контексте фронтальной модернизации Урала XVIII–XIX вв. // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.): сб. ст. Всероссийской научной конференции (г. Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012 г.). – Оренбург, 2012. – С. 17–20.

Побережников 2013а – *Побережников И.В.* Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // *Россия реформирующаяся.* Вып. 12: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – Москва: Новый хронограф, 2013. – С. 246–274.

Побережников 2013б – *Побережников И.В.* Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX – начала XX века // *Вестник Пермского университета.* Серия: История. 2013. № 3 (23). С. 44–52.

Резун, Ламин, Мамсик, Шиловский 2001 – *Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 1. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2001. – 113 с.

Резун, Шиловский 2005 – *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск: Сова, 2005. – 193 с.

Ремнев 1994 – *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // *Отечественная история.* 1994. № 2. С. 60–73.

Семенов-Тянь-Шанский 1929 – *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Район и страна. – М.; Л.: Государственное издательство, 1929. – 311 с.

Соловьев 1988 – *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1–2 / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1988. – 797 [1] с.

Тёрнер 2009 – *Тёрнер, Фредерик Дж.* Фронтир в американской истории / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. – 304 с.

Трейвиш, Шупер 1992 – *Трейвиш А., Шупер В.* Теоретическая география, геополитика и будущее // *Свободная мысль.* 1992. № 12. С. 23–33.

Усов 1927 – *Усов В.С.* Колонизация и ее значение для развития производительных сил Сибири // *Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда / О-во изучения Сибири и ее производительных сил под общ. ред. А.А. Ансона [и др.]; отв. ред. Г.И. Черемных.* Т. 3: Доклады секции «Поверхность». – Новосибирск: Красное знамя, 1927. – С. 279–301.

Хилл, Гэдди 2007 – *Хилл Ф., Гэдди К.* Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. – М.: Научно-образов. форум по междунар. отношениям, 2007. – 328 с.

Шейд 2004 – *Шейд У.Дж.* Не только граница: значение Фредерика Джексона Тёрнера для исследования ранней республики // *Американский ежегодник.* 2002. – М.: Наука, 2004. – С. 9–32.

Шмитт 2006 – *Шмитт, Карл.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. – СПб.: «Владимир Даль», 2006. – 300 с.

Щеглов 1993 – *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032–1882 гг. – Сургут: «Северный дом», 1993. – 463 с.

Belich 2009 – *Belich, James.* Replenishing the Earth. The Settler Revolution and the Rise of the Anglo-World, 1783–1939. Oxford: Oxford University Press, 2009. xii, 573 pp.

Glete 2010 – *Glete, Jan.* Swedish Naval Administration, 1521–1721: Resource Flows and Organisational Capabilities. Leiden: Brill, 2010. xxiv, 816 p.

Turner 1908 – *Turner, Frederick J.* Is Sectionalism in America Dying Away? // *American Journal of Sociologt.* 1908. Vol. 13. No. 5. P. 661–675.

REFERENCES

Ageyev, A.D. (2005), *Sibir' i amerikanskiy Zapad: dvizheniye frontirov* [Siberia and American West: movement of the frontiers], Aspekt-Press, Moscow, Russia.

Alekseyev, V.V., Alekseyeva, Ye.V., Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V. (2004), *Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike. XVI–XX veka* [Asiatic Russia in geopolitical and civilization dynamics. The 16th – 20th centuries], Nauka, Moscow, Russia.

Andriyevich, V.K. (1889), *Istoriya Sibiri. Chast' I. Period ot drevneyshikh vremen do ustanovleniya glavenstva goroda Tobol'ska I osnovaniya Irkutskogo ostroga* [A History of Siberia. Part I. Period from the establishment of supremacy of the city of Tobol'sk until the foundation of the Irkutsk fortress], V.V. Komarov's printing-house, St. Petersburg, Russia.

Bakhrushin, S.V. (1922), “Istoricheskiy ocherk zaseleniya Sibiri do poloviny XIX veka” [Historical essay on the settlement of Siberia until the half of the 19th century], in *Ocherki po istorii kolonizatsii Severa i Sibiri*, Issue 2, Editing Committee of the People's Commissariat of Agriculture, Petrograd, Russia, pp. 19–79.

Bakhrushin, S.V. (1959), “Ocherki po istorii Krasnoyarskogo uyezda v XVII v.” [Essays on the history of the Krasnoyarsk district], in Bakhrushin S.V., *Nauchnyye trudy.* Publishing House of the USSR's Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 6–192.

Belich, J. (2018), “Rastsvetayushchiy frontier: bum i krakh v istorii poselencheskich soobshchestv XIX veka” [Flourishing frontier: the boom and crash in the history of settling communities of the 19th century], in J. Diamond and J. Robinson (eds), *Yestestvennyye eksperimenty v istorii*, AST Publishing House, Moscow, Russia, pp. 71–117.

Belich, James. Replenishing the Earth. The Settler Revolution and the Rise of the Anglo-World, 1783–1939. Oxford: Oxford University Press, 2009. xii, 573 pp.

Braudel, F. (1992), *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 3. Vremya mira* [The Material Civilization, Economy, and Capitalism, the 15th – 18th centuries. Vol. 3. The Time of World], Progress, Moscow, Russia.

Bukin, S.S., Isayev, V.I., Timoshenko, A.I. (2006), “Sibir' v modernizatsionnoy strategii Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)” [Siberia in Russia's modernization strategy (the late 19th – early 20th centuries)], in *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX veka*, Part I, Altay State University Press, Barnaul, Russia, pp. 66–73.

Gagemeister, Yu.A. (1854), *Statisticheskoye obozreniye Sibiri, sostavlennoye po Vysochayshemu Yego Imperatorskogo Velichestva povelenyu, pri Sibirskom Komitete* [Statistical Survey of Siberia, compiled according to His Highest Imperial Majesty's command, under the Siberian Committee], Part II, Printing-house of the Second Department of His Imperial Majesty's Office, St. Petersburg, Russia.

Glete, Jan. Swedish Naval Administration, 1521–1721: Resource Flows and Organisational Capabilities. Leiden: Brill, 2010. xxiv, 816 p.

Danilevskiy, N.Ya. (1995), *Rossiya i Yevropa. Vzglyad na kul'turnyye i politicheskiye otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu*. [Russia and Europe. A view onto the cultural and political relationships of the Slavic world to the German-Romanic one]. 6th edition, "Glagol" Publishing House; St. Petersburg State University Press, St. Petersburg, Russia.

Dulov, A.V. (1983), *Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii (konets XV – seredina XIX veka)* [Geographical environment and the history of Russia (the late XV – mid-XIX centuries)], Nauka, Moscow, Russia.

Hill, F., Gaddy, C. (2007), *Sibirskoye bremya. Proschety sovetskogo planirovaniya i budushcheye Rossii* [The Siberian Curse. Miscalculation of the Soviet Planning and the Future of Russia], Scientific-Educational Forum for International Relations, Moscow, Russia.

Istoriya kazachestva Aziatskoy Rossii (1995) [A History of the Cossacks of Asiatic Russia], Vol. 1: The 16th – first half of the 19th century; Vol. 2: The second half of the 19th – the early 20th century. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

Kizevetter, A.A. (1919), *Russkiy Sever. Rol' Severnogo kraya Yevropeyskoy Rossii v istorii Russkogo gosudarstva: Istoricheskiy ocherk* [Russian North. The role of the Northern parts of European Russia in history of the Russian state: A Historical Essay], Printing-house of the Union of the Northern Cooperatives, Vologda, Russia.

Klyuchevskiy, V.O. (1987) *Sochineniya: V devyati tomakh. Tom I. Kurs russkoy istorii. Chast' I* [Works: In 9 volumes. Vol. I. The course of the Russian history. Part I], Mysl' Publishers, Moscow, Russia.

Kushner, H. (1993), "Postoyanstvo 'idey granitsy' v amerikanskoj mysli" [The constancy of the 'frontier ideas' in the American thought], in *Novyy vzglyad na istoriyu SShA: Amerikanskiy ezhegodnik. 1992*, Nauka, Moscow, pp. 136–151.

Lavry Poltavy / Yust Yul', Otton Pleier (2001) [The Laurels of Poltava / Just Juel, Otton Pleyer], Sergey Dubov Foundation, Moscow, Russia.

Milov, L.V. (1998) *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsesssa* [A Great-Russian ploughman and peculiarities of the Russian historical process], Rossiyskaya Politicheskaya Entsiklopediya (ROSSPEN), Moscow, Russia.

Moskoviya / G.K. Kotoshikhin. P. Gordon. Ya. Streys. Tsar' Aleksey Mikhailovich (2000) [Muscovy / G.K. Kotoshikhin. P. Gordon. J. Struys. Tsar Aleksey Mikhailovich], Sergey Dubov Foundation, Moscow, Russia.

Ogurtsov, A.Yu. (1990), *Voenno-inzhenernaya politika russkogo pravitel'stva v Zapadnoy Sibiri v XVIII v.* [The military engineering policies of the Russian government in Western Siberia during the 18th century], Ph.D. Thesis, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka (2000) [The experiences of the Russian modernizations of the 18th – 20th centuries] / Ed. by V.V. Alekseyev, Nauka, Moscow, Russia.

Pivovarov, Yu.L. (1996), "Al'ternativnaya kontseptsiya makroregional'nogo razvitiya Rossii: szhatiye intensivno ispol'zuyemogo prostranstva" [The alternative conception of macro-regional development of Russia: pressing of the intensely used space], in *Mir Rossii*, Vol. 5, No. 2, pp. 63–74.

Poberezhnikov, I.V. (2012), “Administrativnyy faktor v kontekste frontirnoy modernizatsii Urala XVIII–XX vv.” [Administrative factor in the context of frontier modernization of the Urals in the 18th–19th centuries], in *Regional'noye upravleniye i problema effektivnosti vlasti v Rossii (XVIII – nachalo XXI vv.)*, *Sbornik statey*, Proceedings of the All-Russian scientific conference (Orenburg, October 30 – November 2, 2012), Orenburg, Russia, pp. 17–20.

Poberezhnikov, I.V. (2011), Administrativnyy faktor v ramkakh frontirnoy modernizatsii Sibiri (XVIII – nachalo XX v.) [The administrative factor within the bounds of the frontier modernization of Siberia (the 18th – early 20th centuries)], in *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri v kontse XVI – nachale XXI v.* Proceedings of the 7th All-Russian scientific conference (Novosibirsk, June 6–8, 2011), ‘Nonpareil’ Publishers, Novosibirsk, Russia, pp. 24–29.

Poberezhnikov, I.V. (2013a), “Frontirnaya modernizatsiya kak rossiyskiy tsivilizatsionnyy fenomen” [Frontier modernization as a Phenomenon of the Russian Civilization], in M.K. Gorshkov (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya*. Issue 12: Yearbook, *Novyy Chronograf*, Moscow, Russia, pp. 246–274.

Poberezhnikov, I.V. (2013b), “Sever Zapadnoy Sibiri v kontekste rossiyskoy modernizatsii XIX – nachala XX veka” [The North of Western Siberia in the context of the Russian modernization of the 19th – early 20th centuries], in *Vestnik Permskogo universiteta*, Series: History, No. 3 (23), Perm’, pp. 44–52.

Remnev, A.V. (1994), “Samoderzhaviye i Sibir’ v kontse XIX – nachale XX veka: problemy regional'nogo upravleniya” [The Autocracy and Siberia in the late 19th – early 20th centuries: Problems of Regional Administration], in *Otechestvennaya istoriya*, No. 2, pp. 60–73.

Rezun, D.Ya., Lamin, V.A., Mamsik, T.S., Shilovskiy, M.V. (2001), *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye* [Frontier in the history of Siberia and North America during the 17th–20th centuries: general and peculiar features], Issue 1, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

Rezun, D.Ya., Shilovskiy, M.V. (2001), *Sibir', konets XVI – nachalo XX veka: frontier v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, the late 16th – early 20th centuries: ethnosocial and ethnocultural processes], Sova Publishers, Novosibirsk, Russia.

Schmitt, Carl. (2006), *Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbbsa* [Leviathan in Thomas Hobbes’ doctrine on the statehood], “Vladimir Dal” Publishers, St. Petersburg, Russia.

Semenov-Tyan-Shanskiy V.P. (1929), *Rayon i strana* [Region and the Country], State Publishing House, Moscow, Leningrad, Russia.

Shade, W.G. (2004), “Ne tol’ko granitsa: znachenkiye Frederika Dzheksona Turnera dlya issledovaniya ranney respubliki” [Not only frontier: the significance of Frederick Jackson Turner for the studying of early republic], in *Amerikanskiy ezhegodnik. 2002*. Nauka, Moscow, pp. 9–32.

Shcheglov, I.V. (1993), *Khronologicheskiy pererchen' vazhneyshikh dat iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg.* [Chronological list of the most important dates from the history of Siberia], “Severnnyy Dom”, Surgut, Russia.

Solov'yov, S.M. (1988), *Sochineniya. V 18-ti knigakh* [Works. In 18 books], Book I, vols. 1–2 / Ed. by I.D. Kovalchenko, S.S. Dmitriyev, Mysl’ Publishers, Moscow, Russia.

Treyvish, A., Shuper V. (1992), “Teoreticheskaya geografiya, geopolitika i budushcheye” [Theoretical geography, geopolitics, and the future], in *Svobodnaya mysl'*, No. 12, pp. 23–33.

Turner, Frederick J. (2009), *Frontir v amerikanskoy istorii* [Frontier in American History], “Ves’ Mir” Publishing House, Moscow, Russia.

Turner, Frederick J. Is Sectionalism in America Dying Away? // *American Journal of Sociologist*. 1908. Vol. 13. No. 5. P. 661–675.

Usov, V.S. (1927), “Kolonizatsiya i eyo znachenije dlya razvitiya proizvoditel’nykh sil Sibiri” [Colonization and its significance for the development of Siberia’s productive forces], in A.A. Anson (ed.), *Trudy Pervogo Sibirskogo krayevogo nauchno-issledovatel’skogo s’yezda*, Vol. 3, “Krasnoye Znamya” Publishers, Novosibirsk, Russia, pp. 279–301.

Zubkov, K.I. (2018a), “Frontir kak issledovatel’skaya paradigma” [Frontier as a Research Paradigm], in *Ural’skiy istoricheskiy vestnik*, No. 4 (61), Yekaterinburg, pp. 63–71.

Zubkov, K.I. (2013), “Geopoliticheskiy bazis petrovskoy modernizatsii Rossii (XVII – nachalo XVIII v.)” [Geopolitical basis for the Petrine modernization of Russia, the 17th – early 18th centuries], in Senyavskiy, A.S. (ed.), *Istoriya Rossii: teoreticheskiye problemy, Issue 2: Modernizatsionnyy podkhod v izuchenii istorii Rossii*, Institute of Russian History, Moscow, Russia, pp. 231–246.

Zubkov, K.I. (2019), “Rannaya kolonizatsiya Sibiri: smysly i uroki istorii” [The early colonization of Siberia: meanings and lessons of history], in *EKO: Vserossiyskiy ekonomicheskij zhurnal*, No. 1, Novosibirsk, pp. 8–24.

Zubkov, K.I. (2020), “Rannaya kolonizatsiya vostochnykh regionov Rossii: politekonomicheskij aspekt” [The early colonization of Russia’s eastern regions: political-economic aspect], in *Ural’skiy istoricheskiy vestnik*, No. 1 (66), Yekaterinburg, pp. 130–139.

Zubkov, K.I. (2012), “Regional’naya istoriya: vremya pereosmysleniya” [Regional history: the time for re-examining], in Alekseyev V.V. (ed.), *Strategiya i praktika issledovatel’skogo poiska v otechestvennoy istorii: regional’nyy aspekt*. Proceedings of the scientific conference (Yekaterinburg, November 22–23, 2012), AMB Publishing House, Yekaterinburg, pp. C. 36–54.

Zubkov, K.I. (2018b), “Tsivilizatsionnyye osobennosti kolonizatsionnykh protsessov v istorii Rossii” [Civilization-related features of the processes of colonization in Russia’s history], in *Mir istorika i prostranstvo istorii: sbornik statey k yubileyu prof. N.N. Alebras*, Entsiklopediya Publishers, Chelyabinsk, Russia, pp. 74–91.

Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V. (2003), *Reformy administrativno-territorial’nogo ustroystva vostochnykh regionov Rossii (XVIII–XX vv.)* [The reforms of administrative-territorial structure of Russia’s eastern regions (the 18th – 20th centuries)], AMB Publishing House, Yekaterinburg, Russia.

Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V., Shumkin, G.N. (2019), “‘Volny’ kolonizatsionnoy aktivnosti v protsesse osvoineniya vostochnykh regionov Rossii (XVI – nachalo XX vv.)” [Colonization “tides” in the process of developing the eastern regions of Russia (the 16th – early 20th centuries)], in *Istoricheskiy Kurier*, No. 6, pp. 157–170. [Online], available at: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-13.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Константин Иванович Зубков, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; *zubkov.konstantin@gmail.com*.

Игорь Васильевич Побережников, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор, Институт истории и археологии Уральского

го отделения РАН, Екатеринбург, Россия; 620990, Россия, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16; *pober1871@mail.ru*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin I. Zubkov, Cand. of Sci. (History), Associate Professor, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia; bld. 16, Sophia Kovalevskaya Street, Yekaterinburg, Russia, 620990; *zubkov.konstantin@gmail.com*.

Igor V. Poberezhnikov, RAS Corresponding Member, Dr. of Sci. (History), Director, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia; bld. 16, Sophia Kovalevskaya Street, Yekaterinburg, Russia, 620990; *pober1871@mail.ru*.